

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ КАК
КОМПОНЕНТ ИДИОСТИЛЯ
А. А. ТАРКОВСКОГО**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.04.01 Педагогическое образование,
магистерская программа «Языковое образование»
заочной формы обучения, группы 02031654
Лепетюх Евгении Константиновны

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор Плотникова Л.И.

Рецензент
преподаватель МБУ ДО «Детская
школа искусств поселка Майский
Белгородского района
Белгородской области»
Стручалина Г.В.

БЕЛГОРОД 2019

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	
Глава I. СПЕЦИФИКА СЛОВОТВОРЧЕСТВА А.А. ТАРКОВСКОГО	
1.1. Новые слова в русском языке.....	
1.2. Авторское слово в поэтическом тексте.....	
1.3. Специфика творчества А.А. Тарковского. Основные черты идиолекта.	
Глава II. ДЕРИВАЦИОННЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ А.А. ТАРКОВСКОГО	
2.1. Лексические новообразования – имена существительные.....	
2.2. Лексические новообразования – имена прилагательные.....	
2.3. Лексические новообразования – глаголы.....	
2.4. Лексические новообразования – наречия.....	
2.5. Изучение поэтических текстов А.А. Тарковского на факультативных занятиях по русской словесности.....	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	
Список использованной литературы	

ВВЕДЕНИЕ

Лексика современного русского языка непрерывно развивается, обогащается новыми словами, но наиболее интенсивно этот процесс стал происходить во второй половине двадцатого столетия, что обусловило возросший интерес лингвистов к проблеме новообразований.

Изучение индивидуально-авторских новообразований (ИАН) – одна из актуальных задач современной лингвистики. Лексикографическая регистрация ИАН, их словообразовательная и семантическая типология, особенности функционирования представляют несомненный интерес для исследователей языка.

Эта область привлекала внимание учёных в разное время. Неологизмами занимались И.И. Срезневский, Ф.И. Буслаев, П.Д. Петров, А.Г. Горнфельд, Г.О. Винокур, А.А. Потебня и др., но особенно интенсивно неология, как новая отрасль лексикологии, стала развиваться в конце XX – начале XXI вв. Исследование новообразований ведётся в самых разнообразных направлениях: словообразовательном (Е.А. Земская, В.В. Лопатин, И.С. Улуханов, Н.М. Шанский), лексикологическом (О.И. Александрова, А.А. Брагина, А.Г. Лыков), стилистическом (Т.Г. Воробьёва, Е.К. Чиркова), социолингвистическом (Р.А. Будагов, Л.П. Крысин, И.Ф. Протченко), психолингвистическом (Л.В. Сахарный, А.М. Шахнарович), ономаσιологическом (О.А. Габинская, Е.С. Кубрякова). Но несмотря на это, многое еще остаётся неопределённым. «Проблема новых слов в языке – проблема особая. С одной стороны, не было такого момента в истории языкознания, когда бы её обходили вниманием, – она всегда актуальна. С другой стороны, вопрос о том, что такое неологизм в собственно лингвистическом смысле, по-прежнему остаётся открытым» [Катлинская 1995: 7].

Заметный вклад в исследование новых слов внесли Г.О. Винокур и Р.О. Jakobson. Взгляды этих двух учёных оказали значительное влияние на изучение индивидуально-авторского словотворчества.

Г.О. Винокур разграничивал две формы словотворчества: творчество новых языковых материалов и творчество новых языковых отношений [Винокур 1943: 326]. Под творчеством новых языковых материалов исследователь понимал так называемый «заумный язык» – «чистая психология, обнаженная индивидуализация, ничего общего с системой языка как социального факта не имеющая» [Винокур 1990: 21].

Творчество новых языковых отношений Г.О. Винокур характеризовал следующим образом: «Изобретение новых фактов языка может состоять в том, что из заданных традицией знаменательных звуко сочетаний создаются такие комбинации, которых нет в запасе языковых средств, употребляемых в данное время в данной среде» [Винокур 1943: 326]. Под «знаменательными звуко сочетаниями» Г.О. Винокур понимал морфемы русского языка, а словотворчество футуристов осуществлялось, по его мнению, «с помощью готовых грамматических категорий (суффиксы и пр.) на непривычные для этих категорий готовые же основы.

Р.О. Jakobson обратился к исследованию причин словотворчества; он считал, что новообразования создаются по аналогии (в силу «тождества») к другим, уже существующим в языке единицам: «Выделение в словах основных и формальных принадлежностей совершается путем психической ассоциации этих элементов в данном слове с соответствующими элементами в других комбинациях, в других словах. В тех словах, где дан простор словотворчеству, осуществляется обычно сопоставление неологизмов с тождественной основной принадлежностью и различными формальными принадлежностями, либо обратно с тождественной формальной принадлежностью, но здесь диссоциация происходит не на протяжении языковой системы определённого момента «как мы это видим в языке

практическом», а в рамках данного стихотворения, которое как бы образует замкнутую языковую систему» [Якобсон 1987: 296]. В зависимости от того, корень или аффикс «неологизма» имеет соответствие в «практическом языке», Р. Якобсон выделяет два основных способа их образования:

1) основная принадлежность – слова с тождественными узуальным корнями, но нестандартными для этих корней аффиксами (*Эй засмейтесь, смехачи*);

2) формальная принадлежность – слова, имеющие тождественные узуальным аффиксы, сочетающиеся с нестандартными корнями. Тип словотворчества основывается, по мнению Р.О. Якобсона, на противопоставлении традиции, сложившейся в классической поэзии, когда более высокая эстетическая ценность признавалась за антиграмматической рифмой.

« Речевая деятельность человека основана на использовании готовых языковых единиц и характеризуется, вместе с тем, установкой на творчество. Особый интерес в этом отношении представляет поэтическое произведение как результат деятельности художника слова. Выбор или конструирование необходимой единицы связаны при этом с задачей создания определённого образа. Каждое из созданных слов – элемент творческой деятельности автора. Созданная единица характеризуется индивидуальностью, неповторимостью мыслей его творца и в то же время, заполняя пустую клетку языковой системы, демонстрирует заложенные в ней возможности» [Плотникова 2000: 205].

Объект нашего исследования – индивидуально-авторские новообразования, извлечённые из произведений А. А. Тарковского.

Предмет исследования – структурно-семантические особенности авторских слов.

Наиболее ярко процесс создания нового слова представлен в поэтической речевой деятельности. Примером могут послужить

новообразования Арсения Александровича Тарковского, которые еще не являлись объектом специального исследования. Данное положение обуславливает **актуальность** нашей работы. Ее **цель** – определить структурно- семантические особенности и специфику функционирования новообразований в поэтических текстах Арсения Александровича Тарковского.

Данная цель определила основные **задачи** дипломной работы:

- представить новообразования как особый разряд слов;
- описать типологию новых слов в русском языке;
- выявить деривационные и семантические особенности индивидуально- авторских новообразований в поэтических текстах;
- определить специфику функционирования авторских слов в определённых поэтических текстах.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы.

В первой главе – «Теоретические основы исследования» - представлен обзор лингвистической литературы, в которой освещаются основные проблемы, связанные с теорией неологии и статусом индивидуально авторских новообразований.

Во второй главе – «Деривационные и семантические особенности новообразований в поэтических текстах А. А. Тарковского» – выявлены способы образования слов для каждой части речи, семантические особенности созданных поэтом слов, определяется их функциональная предназначенность. Общий итог проделанной работы содержится в заключении.

Глава I. СПЕЦИФИКА СЛОВОТВОРЧЕСТВА А.А. ТАРКОВСКОГО

1.1. Новые слова в русском языке

Одной из актуальных проблем в современном языкознании продолжает оставаться проблема новых слов. Данное положение можно объяснить тем, что язык – это система динамическая, подверженная изменениям, она находится в непрерывном развитии и изменении. Всё, что происходит в жизни современного общества, в жизни людей, находит непосредственное выражение в языке и, в частности, в его лексическом составе.

Несмотря на то, что проблемы неологии являются объектом внимания многих исследователей, до сих пор много остаётся в этой области спорным, неоднозначным, не до конца решённым. Так, до настоящего времени отсутствует единое определение понятия *неологизм*.

Всё многообразие подходов можно свести к двум основным. Так, при *широком понимании* к неологизмам относят новые слова, которые создаются для обозначения вновь появившегося предмета или явления. При таком подходе в разряд неологизмов попадают и индивидуально-авторские новообразования, и новые фразеологические обороты.

При *узком толковании* к неологизмам относят те «новые единицы лексической системы языка, которые возникли в силу общественной потребности дать имя новому предмету или выразить новое понятие и которые функционируют в речи в качестве готовых, воспроизводимых единиц» [Кодухов 1979: 16-17].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» представлено широкое понимание термина «неологизм», ср.: «неологизмы – это слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определённый период в каком-либо языке или использованные один раз («оказиональные» слова) в каком-либо тексте или акте речи» [ЛЭС: 331].

В «Энциклопедии русского языка» неологизм определяется как слово или оборот речи, которые создаются для обозначения нового предмета или выражения нового понятия. Пополнение словарного состава языка происходит непрерывно, и новые слова, став общеупотребительными, закрепившись в языке перестают быть неологизмами. Различаются неологизмы лексические, т.е. слова вновь образованные или заимствованные, и семантические, т.е. новые значения ранее известных слов» [ЭРЯ 1979: 159].

Необходимо обратить внимание на то, что наряду с общеязыковыми неологизмами, в «Энциклопедии русского языка» выделены «неологизмы, которые называют индивидуально-стилистическими, или окказиональными. Эти неологизмы создаются авторами как выразительные средства в определенном контексте, они не рассчитаны на распространение и закрепление в общем языковом употреблении» [ЭРЯ 1979: 159].

Л.И. Плотникова объясняет подобный разнобой в определении «различием выдвигаемых критериев». Это находит проявление в том, что, например, Б.Н. Головин, считая главным *временной критерий*, определяет неологизмы как «новые слова, возникающие на памяти применяющего их поколения» [Головин 1977: 90].

Л.В. Сахарный считает неологизмами слова, которые еще не вошли в словарь современного русского языка (в общепринятую или массовую лексику). При этом он указывает на то, что «они до тех пор лишь и остаются неологизмами, пока окончательно не освоятся языком...» [Сахарный 1972: 32].

Выделенные исследователями признаки, положенные в основу определений, нельзя считать конкретными и универсальными. Об этом пишет в частности Ю.Я. Бурмистрович: «Где же та временная граница, когда ощущение новизны теряется? Сколько нужно времени, чтобы слово или фразеологизм перестали быть неологизмами: год, десять, пятьдесят лет?» [Бурмистрович 1972:83].

Различия в подходах и определениях неологизмов обусловили отсутствие классификации новых слов, построенной на одном каком-то основании.

Так, Л.И. Плотникова делит все лексические новообразования на две категории: *неологизмы* и *окказионализмы*, причём «последние на словообразовательном уровне дифференцируются на потенциальные и окказиональные слова» [Плотникова 2000: 9].

Н.И. Фельдман впервые употребила термин *окказионализм* в работе «Окказиональные слова и лексикография» [Фельдман 1957:8]. Данный термин образован от латинского *occasion* – случай, то есть окказиональные слова – это слова, созданные «по случаю».

На контекстуальную обусловленность подобного рода слов указывает В.В. Лопатин, который определяет окказионализмы как слова, которые «созданы и живут лишь в определённом контексте и вне этого контекста не воспроизводятся» [Лопатин 1973: 63].

Строгое разграничение неологизмов и окказионализмов возможно с учётом дифференциации понятий «язык» и «речь». Фердинанд де Соссюр в «Курсе общей лингвистики» писал: «...новообразование, которое является завершением аналогии, первоначально принадлежит исключительно сфере речи; оно – случайное творчество отдельного лица. Именно в этой сфере и вне языка следует искать зарождение данного явления... В языке удерживается лишь незначительная часть новообразований, возникших в речи; но те, какие остаются, все же достаточно многочисленны, чтобы с течением времени в своей совокупности придать словарю и грамматике совершенно другой облик» [Соссюр 1998:199,203]. Это положение получило продолжение в книге В.В. Лопатина «Рождение слова» [Лопатин 1973].

В указанной работе В.В. Лопатин подразделяет лексические новообразования на две группы - индивидуально-авторские и потенциальные слова. К первой группе относятся:

- составные прилагательные типа *желтовато-серебристые*;
- сложные слова с опорным компонентом *-боязнь*, обозначающие болезненный страх перед тем, что названо первой основой сложения (*воротобоязнь*);
- слова с опорным компонентом *-мания*, обозначающие болезненные явления, связанные с чрезмерным пристрастием, увлечением чем-либо (*джазомания*);
- сложные слова с первым компонентом *лже-*, обозначающие мнимость, ложность того, что названо второй частью слова (*лжезабота*);
- сложные имена существительные с первым компонентом *само-*, обозначающие действие, чувство, направленное на того, кто его производит или испытывает (*самооценка*);
- сложные прилагательные с опорными компонентами *-видный*, *-образный*, *-подобный* (*куклоподобный*);
- прилагательные с приставкой *сверх-*, обозначающие высшую, крайнюю степень проявления признака (*сверхнаходчивый*);
- отглагольные существительные с суффиксом *-тель*, обозначающие наименования людей (*вниматель*).

В разряд *потенциальных слов* В.В. Лопатин относит:

- существительные с суффиксом *-тель* со значением производителя действия, названного мотивирующим глаголом;
- существительные с суффиксом *-ость*;
- существительные с суффиксом *-ний-*, обозначающие действие как процесс;
- наречия с суффиксом *-о*, *-е*, постоянно возникающие в речи;
- существительные с суффиксами субъективной оценки и др.

Необходимо отметить, что чёткие, строгие границы между окказиональными и потенциальными отсутствуют. Это обусловлено, по мнению Л.И. Плотниковой, тем, что «они обнаруживают больше общих признаков, чем различительных. Противопоставление данных разрядов имеет смысл лишь при словообразовательном аспекте исследования: потенциальные слова образуются по продуктивным словообразовательным моделям, а окказиональные – по малопродуктивным, непродуктивным и окказиональным моделям» [Плотникова 2000: 12].

Особый интерес к проблеме создания лексических новообразований возник в современной лингвистике после того, как вышли работы Г.О. Винокура (1943) и В.В. Виноградова (1972), посвящённые различным аспектам функционирования языковых средств в русской речи. Среди этих работ необходимо в первую очередь выделить исследования А.А. Брагиной, Е.А. Земской, В.В. Лопатина, А.Г. Лыкова, Р.Ю. Намитоковой, А.Н. Тихонова, Н.М. Шанского и др.

Интересным представляется подход Н.М. Шанского, который считает, что окказионализмы – это не слова, а «словные морфемосочетания, существующие в качестве определённых номинативных единиц только в том или ином контексте и не обладающие, тем самым, основным свойством любой единицы языкового стандарта – воспроизводимостью» [Шанский 1972: 161].

Необходимо отметить, что Н.М. Шанский выделил двенадцать признаков канонического слова, причём окказионализм обладает почти всеми этими признаками.

А.Г. Лыков в работе «Современная русская лексикология» отметил, что специфика окказионального слова состоит в том, что «его различные свойства и особенности, создающие сам «эффект окказиональности», носят также многопризнаковый характер. Поскольку специфическая экспрессия окказионального слова «отталкивается» от «нейтральности» (т.е. всех

привычных особенностей) канонического слова и соотносится с нею, то в окказиональном слове его специфические признаки как бы воспринимаются на экране «классических», «нейтральных» признаков канонического слова и взаимодействуют с ними, создавая ту игру значений и красок, которые мы наблюдаем при употреблении окказионализма в речи» [Лыков 1976: 10-11].

А.Г. Лыковым были выделены девять признаков, которые ограничивают русское окказиональное слово от канонического:

- 1) принадлежность к речи;
- 2) творимость (неспроизводимость);
- 3) словообразовательная производность;
- 4) ненормативность;
- 5) функциональная одноразовость;
- 6) экспрессивность;
- 7) номинативная факультативность;
- 8) синхронно-диахронная диффузность;
- 9) индивидуальная принадлежность [Лыков 1976: 11].

Р.Ю. Намитокова выделила разные признаки лексических новообразований, положенные в основу типологии. К ним относятся:

- 1) вхождение/невхождение новых слов в язык или речь;
- 2) преднамеренность или случайность их создания в речи;
- 3) сферу употребления их в речевом пространстве;
- 4) заданность/незаданность их словообразовательной системой языка;
- 5) степень стандартности новообразований

«Учитывая эту иерархию признаков, все новые слова, появившиеся в определённый период в национальном языке, можно разделить на неологизмы – факты языка <...> и новообразования – факты речи» [Намитокова 1986: 11].

Р.Ю. Намитокова авторские новообразования определяет как «речевые новообразования, впервые встреченные на страницах письменного текста – художественного или научного – и не отмеченные в словарях национального языка, соответствующего данному автору времени, живущие только в тексте и поэтому обладающие признаком необычности, новизны, но могущие превратиться «в факты языка при благоприятных условиях» [Намитокова 1986: 22]. Под «благоприятными условиями» некоторые исследователи (Г.И. Миськевич и Л.К. Чельцова) понимают функциональную целесообразность новой номинации, формальное соответствие ее возможностям системы языка, способность к конкуренции с узуальными синонимами, действие внелингвистических факторов.

Основные признаки лексических новообразований положены в основу определения И.А. Нефляшевой: «Под новообразованиями... понимаются слова, функционирующие в речи, сохраняющие новизну независимо от момента создания, обладающие номинативностью и экспрессивностью, образованные как в соответствии со словообразовательным типом, так и с нарушением его и не отмеченные к этому времени в лексикографических источниках» [Нефляшева 1998: 31].

Развёрнутое определение новых слов дано Н.З. Котеловой в работе «Новые слова и словари новых слов», которые определяются как «собственно новые, впервые образованные или заимствованные из других языков слова, так и слова, известные в русском языке и ранее, но или употреблявшиеся ограниченно, за пределами литературного языка, или ушедшие на какое-то время из активного употребления, а сейчас ставшие широко употребительными», а также «те производные слова, которые как бы существовали в языке потенциально и были образованы от давно существующих слов по известным моделям лишь в последние годы (их регистрируют письменные источники только последних лет)» [Котелова 1978: 27].

Среди других характеризационных признаков наиболее существенным необходимо признать *временной* фактор, учитывающий время появления нового слова, а также связанный с ним фактор *новизны слова*, ощущение необычности слова всеми говорящими. Данной точки зрения придерживаются, например, А.В. Калинин и В.В. Лопатин. В частности, А.В. Калинин пишет: «...в лингвистической литературе этим термином называют обычно не простое новое, а очень новое, новенькое, совсем недавно появившееся слово, новизна и свежесть которого ощущается говорящими... Пребывание слова в «неологизмах» обычно продолжительно. Если слово образовано удачно, а явление, которое им обозначается, прочно вошло в язык, название этого явления перестает быть неологизмом, становясь обычным словом языка» [Калинин 1978: 114].

При этом необходимо учитывать, что временные границы пребывания слова в языке в качестве нового нельзя считать чёткими и определёнными. Как пишет В.В. Лопатин, «на эти вопросы нельзя дать точный ответ. Можно лишь сказать, что пока обозначаемые этими словами предметы, явления действительности сохраняют черты ощутимой новизны, до тех пор и сами эти слова воспринимаются как новые» [Лопатин 1973: 58].

Однако в большинстве работ именно признак новизны назван определяющим. А.Г. Лыков всё же не выделяет признак постоянной новизны и включает в определение признак необычности единицы: «Думается, что постоянная новизна слова, пусть даже и окказионального, есть новизна временная, логически немыслима и лингвистически несостоятельна. Не новизна, а необычность, диковинность – вот, что является главным и постоянным признаком окказионализма» [Лыков 1976: 74].

Исследователи русского словообразования единодушны в том, что неологизмы – это «исконные слова, закрепляющиеся в языке... каждое такое слово – общественное явление, ибо порождено оно потребностями общества» [Лопатин 1973: 20]. Неологизмами в языкознании принято называть слова,

входящие сразу же после их образования в систему языка. Соответственно основными признаками неологизмов можно считать следующие:

- индивидуальный характер образования и отсутствие связи с конкретным творцом;
- вхождение в систему языка как необходимого элемента;
- создание по продуктивным словообразовательным моделям;
- постепенная утрата ощущения новизны слова;
- выполнение номинативной функции;
- выполнение в процессе коммуникаций интеллектуально-коммуникативной функции [Лопатин 1973: 21].

Как считает А.Г. Лыков, «окказиональные явления обычно бывают индивидуальными новшествами, принадлежащими отдельным лицам, часто писателям» [Лыков 1973: 55].

Анализируя особенности создания неологизмов и авторских окказионализмов, Е.А. Земская пишет о том, что «двигателем, порождающим все виды новых слов, является аналогия. Без аналогии не рождается не только ни одно узуальное, но и ни одно окказиональное слово. Однако, если в рождении окказионального слова аналогия часто действует как конкретный образец, то в порождении слов узуальных действуют абстрактные аналогические правила, причём чем продуктивнее тот или иной тип, тем абстрактнее правило, т.е. тем менее оно отягощено лексико-семантической конкретностью» [Земская 1992: 182].

Относительно речевого характера окказионализмов интересным, на наш взгляд, является мнение О.А. Габинской. Она разграничивает два аспекта – ономазиологический и функциональный. Анализируя новые слова с точки зрения их образования (ономазиологии), О.А. Габинская считает, что «...утверждение о речевом характере окказионализмов верно лишь по отношению к его образованию, а не функционированию», антиномия «язык» – «речь», определяющая статус новообразований, является «недостаточной и

требует уточнений». После образования новое слово существует на языковом уровне, то есть как знак, за которым закреплено значение, но при этом вновь созданное слово становится принадлежностью индивидуального языка и это слово воспроизводится в индивидуальном языке. Таким образом, любое слово одновременно принадлежит и языку, и речи, «...вновь созданное слово становится принадлежностью не общего языка, а индивидуального языка», так как «члены языкового коллектива еще не знакомы с ним» [Габинская 1981: 37-41].

Таким образом, можно говорить о том, что окказионализм, зародившийся как факт речи, впоследствии становится фактом индивидуального языка. Подробно и обстоятельно рассмотрев образование и функционирование окказиональных слов с точки зрения их принадлежности к языку и речи, О.А. Габинская делает вывод о том, что «поставленную проблему... нельзя решать альтернативно, то есть относить окказионализмы к языку или речи безоговорочно. Слово – чрезвычайно сложная единица, и в процессе своего образования и существования оно как бы «поворачивается» то к языку, то к речи, выступая в то же время как единая, целостная единица» [Габинская 1981: 51].

Вышеизложенное мнение О.А. Габинской позволяет утверждать, что природа всех лексических единиц – узуальных и окказиональных – одинакова; принадлежность первых к общему языку, а вторых – у индивидуальному языку не является их принципиальным отличием, ведь индивидуальный язык – «часть общего языка плюс возможные инновации индивида, еще не вошедшие в общий язык», а «общий язык, как социальное явление «представляет собой общую часть суммы, совокупности индивидуальных словесных языков носителей каждого народа» [Торопцев 1985: 34-45].

Индивидуальный язык является специальным объектом исследования в работах Н.Г. Комлева (1969) и Ю.В. Фоменко (1990). Так, Ю.В. Фоменко,

считает, что все изменения языка начинаются в речи, но это положение нуждается в уточнении: «все языковые изменения начинаются в индивидуальном языке, в языке того или иного отдельного индивидуума. При таком подходе, по его мнению, элементы новизны в индивидуальной речи будут иметь не случайный, а закономерный характер, поскольку они были запрограммированы в сознании говорящего» [Фоменко 1990: 9]. С этим утверждением нельзя не согласиться. Окасиональные слова становятся принадлежностью языка, иногда без «долгой апробации на прочность и пригодность», что подтверждает отсутствие принципиальных отличий между неологизмами и окасионализмами в плане соотношения языка и речи» [Лыков 1972: 77].

Т.Н. Коршунова (1999) считает, что с признанием индивидуального языка отпадает необходимость в выделении таких признаков окасионального слова, как творимость и функциональная одноразовость. Ограничительным признаком окасионализмов, по мнению исследователя, можно считать их ненормативность (наличие отклонение узуса) и отсутствие в общем языке. Для нас основным отличительным признаком неологизмов и окасионализмов является принадлежность неологизмов языку, а окасиональных слов – речи. При этом основополагающим принципом необходимо признать сосюрдовское понимание данной дихотомии. Таким образом, учитывая изложенное выше, мы считаем *окасионализм* фактом речи, , неузуальным, «диковинным», созданным в речи словом.

Неологизмы и окасиональные слова различаются также своим функциональным назначением. «Окасионализмам нет нужды становится стационарными словами, оставаться в памяти носителей языка, ибо их функциональное назначение не в том, чтобы дать название новой реалии или новому явлению – это прерогатива неологизмов. Что же касается окасионализмов, то они вновь и вновь подтверждают семантику

личностного отношения к языку и свободы от его власти» [Ревзина 1996: 306].

Если рассматривать окказионализмы с точки зрения их функциональной предназначенности, то необходимо в первую очередь учитывать их неоднородность по данному признаку. Это находит выражение в том, что одни из них функционируют в живой разговорной речи, а другие – в речи художественной. При этом основные характеристики названных групп совпадают. Однако с точки зрения функциональной нагруженности они различны.

Окказионализмы художественной речи, в отличие от окказионализмов живой разговорной речи, закреплены за определённым автором и выполняют в художественном тексте определенную стилистическую функцию. Более того, они являются носителями двойственной природы, которая проявляется, с одной стороны, в их связи со словообразовательной системой языка, и с другой стороны, с системой художественной речи. Естественно, что подобного рода двойственность обуславливает их семантико-стилистическую многоплановость.

Окказиональные слова являются «языковленной» формой определенного авторского смысла: «... поэт как бы заявляет: «Я выделяю данный смысловой сгусток как оконтуренный и сообщаю его оязыковленную форму» [Ревзина 1996: 306]. В тексте окказионализмы становятся ключевыми словами, носителями центральных художественных смыслов.

А.Г. Оганесян главным свойством окказионализмов считает «принадлежность к речи, а также их творимость, которая на фоне «воспроизводимости» общеязыковых, узуальных слов создает эффект новизны и необычности окказионального слова» [Оганесян 1989: 17].

Интересным представляется мнение О.Г. Ревзиной относительно сущности окказионального слова, которая подходит к исследованию данного явления с иных позиций. О.Г. Ревзина рассматривает создание

окказионального слова как реализацию акта свободы человека от власти языка, ср.: «В этом акте творения той единицы, которая принадлежит языку как его часть, на которую наложен запрет и которая одновременно, выражаясь риторически, является высшей славой и гордостью языка, содержится великий акт свободы – высвобождение человека из-под власти языка» [Ревзина 1996: 305-306].

Она же отмечает различную возможность использования этой свободы простым человеком (при создании окказионализмов в разговорной речи) и поэтом: «В данном проявлении свобода в принципе присуща каждому человеку, но воспользоваться этой свободой и показать ее ценность умеют именно поэты. В поэтическом тексте окказиональные слова реализуют в полном объеме возможности, данные языком слову. Они выступают как автономные, целостные и неделимые единицы, открытые действию стихотворных операторов – ритма, размера, рифмы... и становятся носителями индивидуально-авторской семантики...» [Ревзина 1996: 306].

В.В. Тимофеева, проводя границу между общеязыковыми и авторскими новообразованиями, отмечает, что в лингвистике ещё не было работ, в которых бы чётко прослеживалось, какие слова можно отнести в словотворчеству того или иного поэта, а какие взяты у живого языка эпохи.

Р.Ю. Намитокова пишет по этому поводу «...новообразования, встреченные в художественном тексте впервые и только у данного автора, следует рассматривать как авторские» [Намитокова 1986: 41].

С другой стороны, писатель наиболее чувствителен к тем изменениям и тенденциям, которые происходят в языке, следовательно, он не только передает их, но и в некотором смысле нередко предвосхищает. ГО. Винокур отмечает: «Мастер... языкового употребления не только хорошо знает нормы языка, но и сам на них влияет и сам их создает» [Винокур 1991: 13].

«Во все времена, – продолжает данное положение В. Гак, – писатели, философы, ученые постоянно создавали новые слова, дополняя своим творчеством усилия всего народа» [Гак 1978: 37].

По мнению В.Л. Григорьева, «если народ осуществляет функции словотворчества, используя возможности, заложенные в языке, было бы странно ожидать, что поэзия будет себя ограничивать в этом отношении» [Григорьев 1979: 152].

Исследователи отмечают, что само слово словотворчество как художественное средство не имеет широкого распространения в русской литературе, занимая «одно из скромных мест в арсенале других языковых средств художественной выразительности» [Тимофеев 1959: 240].

Из двух существующих тенденций развития язык художественной литературы – широкого использования имеющихся в языке средств и индивидуального речетворчества – главной, по мнению академика Ф.П. Филина, решающей тенденцией является то, что «настоящий мастер спорадически прибегает к индивидуальному словотворчеству» [Филин 1981: 31]. Он справедливо считает, что «установка на индивидуальное словотворчество как на главный арсенал художественной литературы мало что дает и опасна, а... литературному языку ничего не прибавляет, так как продукты такой установки не выйдут за пределы индивидуального текста» [Филин 1977: 31]. С этим утверждением трудно не согласиться. Е.А. Земская также отмечает, что окказионализмы ориентированы не на правила, общие для всех носителей языка, но на способы индивидуума использовать возможности, заложенные в системе языка [Земская 1992: 180]. Вероятно, можно отметить разные степени соотношения этих тенденций в языке отдельных авторов слова.

Р.Ю. Намитокова отмечает: «... Любые новообразования, встреченные у того или иного автора и не отмеченные в словарях соответствующему ему времени (словари современного русского языка,

соответствующие картотеки и словари новых слов) независимо от способа его производства, являются авторскими» [Намиитокова 1986: 4].

Исследуя различные вопросы, связанные с новыми словами, учёные столкнулись с ещё одной проблемой – *проблемой разграничения окказиональных и потенциальных слов.*

Долгое время термином «окказиональное слово» объединялись все речевые новообразования (независимо от способа их образования и отношения к словообразовательной системе языка). В середине прошлого века стали учитывать такие факторы, как продуктивность или непродуктивность словообразовательной модели и деривационный способ, что привело к необходимости дифференциации окказионализмов и потенциальных слов.

В работах М.А. Бакиной, Е.А. Земской, А.Г. Лыкова, Эр. Ханпир и др. исследователей разграничивались две указанные группы новых слов. При этом под потенциальными понимались слова, «которые могут быть образованы по языковой модели высокой продуктивности, а также слова, уже возникшие по таковой модели, но еще не вошедшие в язык». При этом «потенциальное» только подчёркивается как образованное, в отличие от потенциального слова, по непродуктивной модели, либо по окказиональной (речевой) модели и созданное как с целью обычного сообщения, так и с художественной целью» [Ханпира 1972: 248-249].

Под окказиональными понимались слова, созданные по непродуктивным словообразовательным моделям с нарушением правил словообразования.

Е.А. Земская пишет по поводу особенностей образования подобного рода слов: «Образцом для производства окказионализмов может быть не только непродуктивный словообразовательный тип, но и отдельное непроизводное, но членимое слово. В таком случае говорят о словообразовании по конкретному образцу. Этот вид окказионального

словообразования объясняется тем, что непроезводимые, но членимые слова являются определенными структурами, которые могут действовать как образец [Земская 1972: 21].

Таким образом, одним из отличительных признаков окказионализмов Е.А. Земская в первую очередь считает деривационную модель, которая не характерна для слов узуальных. Она пишет: «Окказиональные слова противостоят обычным (узуальным) словам. Окказионализмы – нарушители законов (правил) общеязыкового словообразования. Они используют бездействующие, мертвые аффиксы или «не те» основы... и даже имеют свои способы словообразования» [Земская 1992: 180], а авторские инновации, образованные по высокопродуктивной словообразовательной модели называет «потенциальными».

Г.О. Винокур в широко известной работе «Маяковский – новатор языка» использует термин *потенциальные слова*, под которыми понимает слова, «которых нет в языке, но которые могут легко появиться, если бы этого захотела историческая случайность» [Винокур 1943: 15].

Несколько по-иному рассматривает потенциальные слова А.И. Смирницкий: потенциальные слова – это слова, «появившиеся речи, которые оказываются не воспроизведенными, а созданными в данном процессе речи из материала и по образцам, имеющимся в словарном составе языка» [Смирницкий 1954: 10]. Кроме того, к указанной группе слов он относит и такие слова, которые уже созданы, но еще не вошли в язык.

А.Г. Лыков выделяет слова «промежуточного звена», так называемые *полуокказиональные образования*, которые, по его мнению, обладают «низкой степенью окказиональности» [Лыков 1976:11].

М.А Бакина вводит свой термин – *индивидуально-поэтические новообразования*, в котором на первый план выходит особая образность и выразительность лексических новообразований. При этом она обращает внимание на то, что «поэтические новообразования употребляются, как

правило, однократно, и поэтому значение их полностью может быть воспринято только в данном контекстуальном окружении» [Бакина 1975: 73].

Теория окказиональных слов получила развитие в работах Н.А. Янко-Триницкой. Она рассматривала окказиональное словообразование как отдельную словообразовательную систему. По этому поводу она пишет: «Для окказионального словообразования характерны свои собственные модели: а) междусловное наложение: *ширпотребность* (*ширпотреб* + *потребность*); б) повторы-тзвучия: *штучки-дрючки*; в) замена слова более длинным словом по внешнему созвучию: *спина* – *спиноза*; г) замена незначительной части слова значимой: *ауди-енция* – *аудиенция*; д) эмансипация словообразовательных аффиксов: =*измы*, =*надцатый* и др.» [Янко-Триницкая 1967: 54].

И.А. Нефляшева разграничивает потенциализмы и окказионализмы на том основании, что «потенциальные слова нормативны и системны, а собственно окказиональные ненормативны, но системны, так как возможность нарушения словообразовательного типа, происходящего при окказиональном словообразовании, заложена в самой системе» [Нефляшева 1998: 56].

В работах А.В. Калинина также разграничиваются две указанные группы лексических новообразований. К первой группе он относит слова потенциальные, которые называет авторскими неологизмами, созданными по продуктивным моделям. Если же слово, по мнению А.В. Калинина, создано по непродуктивному типу словообразования, то это – окказиональное слово [Калинин 1978: 117].

Объединяющим признаком для потенциальных и окказиональных слов А.Г. Лыков считает тот факт, что «как те, так и другие в самом общем виде можно определить как слова, созданные самим автором в устной или письменной речи для нужд данного контекста» [Лыков 1972 : 54].

«Окказионализм представляет собой речевую реализацию нереализованных

языком возможностей, заложенных в самой его системе. Вследствие этого окказиональное словообразование и выделяется внутри его» [Лыков 1976: 53].

Сравнивая потенциальные и окказиональные слова, исследователи нередко отмечают, что первые довольно часто отличаются неповторимостью и оригинальностью, поэтому не во всех случаях удаётся чётко дифференцировать указанные группы слов. На это указывает и Е.А. Земская: «Потенциальные слова создаются на основе высокопродуктивных словообразовательных типов языка. Есть немало таких словообразовательных типов и подтипов, продуктивность которых проявляется главным образом в окказиональных новообразованиях. Например, так называемые составные (сложные) прилагательные. Это сложные слова, создаваемые путем соединения основ двух и более различных прилагательных, или соединения наречий с прилагательными. Возможности такого соединения почти неисчерпаемы» [Земская 2000: 128].

Нам представляется, что дифференциация потенциальных и окказиональных слов необходима на словообразовательном уровне. При этом необходимо учитывать, что потенциальные слова – это слова, созданные по продуктивным словообразовательным моделям, они соответствуют правилам русского словообразования. Окказиональные слова – это слова, созданные с нарушением словообразовательных правил, в их основе – непродуктивные словообразовательные модели. Такие слова привязаны к определённому контексту. Вне контекста смысл таких слов не удаётся определить однозначно.

Интересным в этой связи представляется мнение О.Г. Ревзиной: «Высказаны противоположные точки зрения и очертился объем ментального пространства, в котором мыслят об окказионализмах в рамках лингвистики и лингвистической поэтики. Этот объем узок для окказионализма, их осмысление требует расширенного круга вопросов, которые могут быть к ним поставлены, равно как и подход в рамках современной научной

парадигмы, видящей в языке знаковую систему, но и убеждённых в том, что «сущность языка лежит по ту сторону замкнутых в себе знаков». Семантика свободы, которую мы приписываем окказионализмам, как раз и открывается при полагании научным объектом триединства человека, языка и мира» [Ревзина 1996: 307].

1.2. Специфика творчества А.А. Тарковского. Основные черты идиолекта

А.Г. Лыков недаром назвал окказиональные слова «диковинными» словами: с помощью своей необычности и оригинальности они передают яркие оттенки смысла и экспрессии. Этим объясняется широкое употребление окказиональных слов в художественной речи, ср.: «Окказиональные образования – характерная черта современной поэтической речи; без всестороннего изучения ее немислим разговор о новаторстве в поэзии вообще» [Никитина 1972: 193].

Именно художественный текст считают «благодатной почвой» для индивидуального словотворчества. В первую очередь это относится к тексту поэтическому, который по праву считают особым видом речевой деятельности. Об этом пишет А.Е. Супрун: «Главные ее отличия от обычной, повседневной речевой деятельности в том, что поэтическая речевая деятельность обладает эстетической функцией, определяющей ее неповторимость и обращенность на совершенствование орудия речевой деятельности – поэтического языка, в том, что она неповторима, хотя и тиражируема; что как производство, так и восприятие всякого текста суть творческие акты. Что в поэтическом тексте в особой гармонии сопряжены план содержания и план выражения, эмоциональная и рациональная стороны речевой деятельности. Именно поэтому поэтическую речевую деятельность можно рассматривать как квинтэссенцию речевой деятельности, как высшее

ее проявление, как одно из высших воплощений человеческого гения» [Супрун 1996: 232].

Однако авторское слово должно быть уместным, оно не должно перегружать текст и затруднять его восприятие.

Индивидуально-авторские слова, созданные в поэтическом тексте, никогда не производятся изолированно, «они получают жизнь и функционируют только в единстве с другими компонентами организованной системы, которые проявляют взаимосвязь и единство и предопределяются поэтической установкой. Особая роль при этом отводится таким компонентам, как ритмическая и интонационная организация; выбор звуковых единиц (звуковая инструментовка); отбор лексических средств; поэтический синтаксис (особые ритмико-синтаксические фигуры). Данные составные части организуют систему так называемых поэтехнических средств, представленную в художественной структуре произведения» [Плотникова 2000: 198]. Здесь идет речь «об особой, поэтической функции языка, которая не совпадает с функцией языка как средства обычного общения, а представляется ее своеобразным обособлением» [Винокур 1991: 27].

Необходимо отметить, что каждый автор, создавая свой индивидуальный язык, в то же время отражает массовый язык своей эпохи, выражает при этом общие языковые тенденции. Это неразрывная связь индивидуального и общественного, она создаёт предпосылки для словотворчества.

Выделяя новообразования как «одну из частных составляющих образной системы художественного текста», исследователи говорят о необходимости «учитывать жанровую и стилистическую отнесенность произведения, мировоззрения автора и то направление, в рамках которого он работает» [Плотникова 2000: 199].

Для того чтобы определить особенности функционирования новообразований в художественном тексте, обратимся к творчеству Арсения Тарковского.

Жизнь Арсения Тарковского пришлась на большую часть двадцатого века. Он родился в 1907 году, а умер в 1989-м. Так сложилось, что родился он в отсветах первой русской революции, а умер в разгар перестройки.

Как поэт Тарковский формировался во второй половине 20-х годов, в суровое время «симбиоза нэпмановской пошлости с новой идеологией, относительной свободы предпринимательства – с застенками ГПУ» [Ковальджи 1991: 6], в «самый двусмысленный и фальшивый из советских периодов» (Б. Пастернак). «Авангардизм, конструктивизм, социальный заказ, наигранно бодрая и болтливая публицистическая натуга, наконец, имитирующая реализм эклетика – все это было чуждо музе Тарковского изначально» [Кублановский 1990: 3].

Своеобразие поэтического мира Тарковского определило еще и то обстоятельство, что с одной стороны, дореволюционная пора его жизни наложила свой отпечаток на мировоззрение поэта, а с другой – не была достаточно долгой, чтобы определить духовный путь автора полностью. «Тарковский был свидетелем смены множества «измов» в поэзии, но всегда оставался верным своим ориентирам, своему компасу» (Ковальджи К., 1991: 6). Может быть, это объясняется тем, что к концу 20-х годов, когда закладывались творческие убеждения молодого Тарковского, уже «сходили с арены» всевозможные поэтические школы, такие как люминизм, формлибризм, футуризм или ничевоки. Неудивительно, что Тарковский нашел и эстетическую и нравственную опору в русской классике.

С. Бройтман пишет в одной из своих статей: «Я думаю, что лирика Тарковского, вот такая, какая она есть, несколько традиционная и непривычно «жреческая», принесла с собой в литературу нечто не менее

важное, нежели чаемая всеми нами злободневность. Опираясь на богатства русского стиха, А. Тарковский вовремя напомнил о существовании некоторых неотъемлемых свойств и качеств поэзии, которыми она в последнее время уже не всегда нас баловала» [Бройтман 2001: 320].

«Лирическое всемогущество Тарковского не в “оперативности” отклика на злободневные проблемы и нужды, а в умении поставить злободневное в контекст вечных запросов личности и человеческого сообщества, соотнести явления и события текущего дня с общими принципами и завоеваниями отечественной и мировой культур. Поэт всегда видит «небо – в чашечке цветка», всегда доискивается до первопричин, до самой сути явления, что и придает даже наиболее интимным, исповедальным его стихам масштабность, значимость авторитетного свидетельства «о времени и о себе» [Ковальджи 1991:9].

«Незлободневность» Тарковского отразилась и в том, что его стихи, за редким исключением, как бы не зависят от даты написания. Как не нуждались в датах Тютчев и Фет, чье творчество тоже не оглядывалось на часы или на календарь.

«Поэт заплатил дорогой ценой за каждую свою строку: каждая из них вынашивалась годами и так же медленно, ощупью искала свой путь к читателю. Есть поэты, которым дано легко и просто откликаться на «все впечатления бытия» (Пушкин). Тарковский не принадлежал к их числу. Лирическая непосредственность была мало свойственна его дару, и поэт подчас сам с горечью это признавал (*«И еще я скажу: собеседник мой прав:/ В четверть шума я слышал, в полсвета я видел...»*). Сила его в другом. Соотношение времени и вечности, личности и мира стало главной темой его философских и поэтических раздумий» [Ратгауз 1990: 84].

Сила и своеобразие историзма Тарковского не в том, что он отчетливо помнит дореволюционное время, и не в том, что он может воскресить картины гражданской войны на Украине, и не в том, что он

взволнованно поведал нам о своем участии в войне против германского фашизма. Сама по себе биография ничего не решает. Не менее важно понимание поэтом своего назначения – «быть поверенным в делах человечества, осуществлять собою связь эпох, превратиться в голос пространства и времени» [Бройтман 2001: 323].

Поэт долгое время занимался художественными переводами.

Ах, восточные переводы,

Как болит от вас голова, -

(“Переводчик”).

Горько сетовал Арсений Тарковский, оглядываясь на тысячи и тысячи зазвучавших благодаря ему по-русски строк Махтумкули и Абу-ль-Аля аль-Маари, Кемине и Саят-Новы, Молланепеса и Чавчавадзе, Ширази и Чиковани. «Но – такова магия истинного таланта! – поденщица стала в его глазах и под его пером родом высокого искусства» [Чупринин 1998:8] «Мне нравилось, – говорил Тарковский, – работать над чем-то, у чего не было ничего общего со мною. Но потом оказывалось, что общее все-таки было». Общим было убеждение, что «служение поэзии родственно подвигу или и есть подвиг», общим было тяготение к нравственной проблематике, общей, объединяющей поэтов разных эпох и народов, была сосредоточенная, страстная любовь к слову, ко всем «ЭР и эЛЬ святого языка».

Сквозь оригинальные стихотворения явственно проступает опыт переводчика и теоретика перевода, критика, отчетливо осознается подтвержденное длительной практикой осмысление творческого процесса, многочисленных чужих стилистических систем.

«Если сопоставить оригинальные стихи Тарковского с его переводами, увидишь, как много дали поэту полвека напряженного творческого «диалога» с иноязычными культурами. И дело здесь не только в специфически восточных мотивах, входящих в размышления и переживания русского поэта, хотя и это тоже весьма существенно для правильного

понимания творчества. Важнее другое – «удивительная “распахнутость” поэтической системы Тарковского, невольно заставляющая вспомнить об искони присущей русской литературе «всемирной отзывчивости», широта его духовного и творческого кругозора, умение обогатить современный русский стих тем ценным, что выработано десятилетиями и веками художественных исканий человечества» [Кублановский 1990:5].

Из поэтического наследия Арсения Тарковского невозможно вычленить отдельных тем, мотивов и сюжетов. «О чем бы ни говорил поэт, то обращаясь к воспоминаниям детства и отрочества, то подытоживая опыт, накопленный в дни войны и мира, то воскрешая в стихах облик минувших эпох, он неизменно ведет речь о главном – о смысле человеческого существования, о братском единении и согласии всех людей доброй воли» [Чупринин 1998:6].

Таким образом, характер творчества Тарковского определяется тремя основными аспектами: во-первых, произведения поэта насыщены традициями русской и мировой классики; во-вторых, в них ощущается теснейшая связь с современной эпохой; в-третьих, все творчество поэта пронизано вопросами бытия, метафизическими, философскими темами. Для произведений Арсения Тарковского характерны «одновременно беспредельная комичность и предельная конкретность, в его текстах нет ничего искусственного, в них трудно обнаружить то, чего не было бы в действительности: своеобразие авторской картины мира обеспечивают иные связи между составляющими – изоморфные и метаморфические» [Гулова 2001: 67].

Одним из наиболее интересных представляется авторское утверждение об актуальности для поэзии принципов гармонии и равновесия: «Поэзия, таким образом, есть... установление равновесия частей целого так, чтобы частное в целом никогда не забывалось, но и не было бы самоцелью, служа целому, тогда как целое служило бы как составная тому, что

составляет выражение художником его мира» [Тарковский 1991:201]. И это отмечает Ю. Кублановский во вступительной статье к одному из сборников Тарковского: «вместо, скажем, мандельштамовской веселости духа, чреватой стремительными срывами в невероятную боль, Муза Тарковского обладает уравновешенностью, даже суховатой серьезностью – при умеренном, но прочном, в общем-то оптимизме. Есть явный «минимализм» и в средствах выражения, и в жизненных установках лирического героя Тарковского, а в этой имманентной негромкости – величие и четкая мудрость, противостоящие балагану эпохи». [Кублановский 1990:2]. Все богатство жизненного опыта поэта и самые далекие оттенки чувств тесно смыкаются у А. Тарковского на малом пространстве стиха, обнаруживая редкостную прочность сцепления. «Умение создать широко развернутую и очень стройную систему словесных совмещений – это у него от современного мышления, ассоциативно-метафоричного и строго аналитического одновременно» [Чупринин 1998:9]. Оригинальность поэта заключена в умении подобрать слова для создания своеобразных, неповторимых образов, и зачастую Тарковский использует не только готовые языковые средства, но и создает свои, авторские, слова.

Словотворчество дает возможность поэту реализовать задуманные им смысловые оттенки, помогает уйти от словесных штампов.

Язык поэта отличают:

- метафоры,
- детальность,
- гиперболы,
- аллегории.

По сравнению с другими выразительными средствами поэтического языка Арсения Тарковского, новообразования не столь многочисленны. Создание новых слов не является для него самоцелью, но когда необходимо дать красочную характеристику предмета или явления, создать

неповторимый, причудливый образ, поэт естественно вводит в поэтический текст своё, авторское слово. В каждом из созданных поэтом слов отражается его особое мировидение.

1.3. Авторское слово в поэтическом тексте

Восприятие литературы XX века было бы не полным без изучения современной философской лирики. Поэзия Арсения Тарковского органична и прекрасна. Таинственна и глубока попытка понять ее – это попытка понять и вместить в себя целый мир.

В судьбе Арсения Тарковского отразилась судьба целого поколения поэтов XX века, это трагедия нонконформистов, надолго «загнанных в перевод». До 55 лет поэт был известен как переводчик. Первая книга стихов его была уничтожена в 1946 году после разгромного ждановского доклада по поводу творчества Зощенко и Ахматовой. Поэтому сборник стихотворений «Перед снегом», опубликованный в 1962 году во время кратковременного потепления в общественной жизни страны, фактически оказался первой книгой оригинальных стихотворений поэта, сразу став откровением для читателя:

*Фронтвик, сверчок на своем шестке, золотом поющий, что
было сил — в невозможной юности, вдалеке; если б знал ты, как
я тебя любил. (Б. Кенжеев. Памяти А. Тарковского)*

Исследователи творчества поэта считают, что произведения Арсения Тарковского по своей сути очень личностны, исповедальны, даже автобиографичны. Образ лирического героя объединяет вокруг себя лейтмотивы, собирающие группы стихотворений в сложные комплексы. Один и тот же круг тем разрабатывался поэтом на протяжении всей его жизни: натурфилософия (проблема взаимоотношений человека с природой),

память, творчество, судьба, дорога и др. В первом сборнике они только намечены, затем, постепенно, мотивы разрастаются за счет включения в их орбиту новых лейтмотивов.

Стихотворения, посвященные философским раздумьям об искусстве, о роли поэта и поэзии, о жизни и смерти, ассоциативно связаны друг с другом и образуют циклы: воспоминания о детстве, «военный» цикл «Сказки и рассказы», «Пушкинские эпитафии».

Каждый из этих циклов играет значительную роль в контексте всего творчества поэта. Так, *образ дороги* (проходящий через все творчество Арсения Тарковского) включает в себя мотив судьбы, творчества, движения. Мотив судьбы связан с целым комплексом мотива памяти – в него входит мотив истории России, память о детстве, образы матери и отца, погибшего брата.

Историко-культурные ассоциации связаны с мотивом творчества изгнания и нищеты (образы Овидия и Григория Сковороды), отсюда — постоянная для поэта антитеза аскетизма, нищеты и благородства духа — богатству, власти и насилию. Стихотворения натурфилософского плана (пейзажные зарисовки, размышления над проблемой бессмертия, над трагическими судьбами поэтов): «Я так давно родился...», «Зелёные рощи, зелёные рощи...», «Я учился траве, раскрывая тетрадь...», «Дерево Жанны», «Могила поэта», «Посредине мира» и др. — в контексте сборников создают определённый ореол и для остальных, давая импульс к их трактовке:

Вы, жившие на свете до меня, Моя броня и кровная родня От Алигьери до Скиапарелли, Спасибо вам, вы хорошо горели. А разве я не хорошо горю И разве равнодушием корю Вас, для кого я столько жил на свете, Трава и звезды, бабочки и дети? Мне шапку бы и пред тобою снять, Мой город — весь как нотная тетрадь, Ещё не тронутая вдохновеньем, Пока июль по

каменным ступеням Литаврами не катится к реке, Пока перо не прикипит к руке... (1959)

Необходимо отметить, что взгляды Арсения Тарковского на пространство и время концептуальны и представляют собой стройную систему. Вертикальная ось «верх-низ» ориентирована в модели мира и на четырехугольную систему. «Низ» — все земное (дом, любовь, студеная вода, пахучий хлеб). «Верх» — божественное, бессмертное (небо, горы, звёзды, птицы). «Срединный» уровень занимает человек с родственным ему миром деревьев: Я человек, я посредине мира... «Четвертый» же уровень — мир мёртвых, в котором переплетаются корни деревьев и людей.

Мотив бесконечного направленного движения (в виде памяти, музыки, творчества, связи времён) пронизывает все уровни вертикальной оси и направлен по кругу: из мира мёртвых вверх и обратно. Каждый из названных уровней обладает у поэта собственным символическим колоритом. Подземному уровню соответствует черный цвет, характеризующий не только смерть, но и трагическую судьбу лирического героя. «Уровню низа» (в особенности в период Великой Отечественной войны) соответствует красный цвет и его оттенки (*киноварь, багровый, кровавый*), в другие периоды — цвета земли и травы (*охра, коричневый, жёлтый*).

Срединный уровень — мир деревьев — независимо от времени года зеленого цвета. «Верх» по колориту неодинаков: горам и небу соответствует синий цвет, а мир «черный» (в котором обитают бессмертные души) — белого цвета. Мотив бессмертия решается поэтом в белом цвете. Поэт понимает и принимает конечность физического, но не духовного бытия. Таким образом, в цветовых лейтмотивах поэзии Арсения Тарковского также присутствует идея движения — от чёрного к белому, от смерти к бессмертию.

В период послевоенного творчества у А. Тарковского происходит перестройка модели художественного пространства: в горизонтальной

структуре снимается оппозиционность дома — дороги. Лирический герой, в силу трагических обстоятельств, оказывается принужден к жизни в замкнутом пространстве дома. И теперь дом получает общую теплую эмоциональную окрашенность: воспоминания о детстве, о родителях становятся символом самого необходимого для каждого человека. Творчество, горение, ранее присущие миру дороги, — теперь неотъемлемые атрибуты дома, ставшего не просто жильем, а особым миром — любви, уюта, простой человеческой жизни.

На всем протяжении творческого пути для Арсения Тарковского было характерно внимание к таким традиционным для мировой поэзии жанрам, как элегия и сон. Элегия поэта, внешне отличаясь от классических по ритму и лирике, родственна им по сути (к примеру «В последний месяц осени»). Элегическая ситуация (на закате дня лирический герой размышляет о жизни и смерти), природа (являющаяся не только фоном для создания определенного настроения, но и предметом медитации), идея бесконечности бытия (человек смертен, но Природа, связанная узами родства с человеком, бессмертна) — все это соответствует канону жанра.

К сонету Арсений Тарковский приходит уже в зрелые годы, обращаясь к нему в исключительно важных для него случаях. Так, он посвящает свои раздумья судьбам матери («Влажной землёй из окна потянуло...»), Ахматовой («Рукопись», «И эту я проводил в дорогу...»), Цветаевой («Как двадцать два года тому назад...»), Заболоцкому («Могила поэта...»); темам творчества («Вы, жившие на свете до поэта...»), свободы («Степная дудка»), судьбы («Надпись на книге»), смерти («И это снилось мне...», «Душу, вспыхнувшую на лету...», «Тот жил и умер...»).

Ориентация на каноны сонета (метрику, рифмовку, синтаксис, количество слогов, движение мысли от тезиса к антитезе и синтезу) обуславливает высокий пафос его сонетов: утверждение символической роли

поэзии, Искусства, хранящих память о прошлом духовном наследии и передающих это богатство будущим поколениям.

Наряду со строго канонизированными формами, Арсений Тарковский не обошел и верлибр (свободный стих), за которым в поэзии XX века прочно закрепился философский ореол. По мысли автора, все формы жизни от камня до звезды и человека - равны, разве что камни не имеют голоса, и долг поэта - научить их песне. Горечь от сознания близости конца жизни смягчается мудрым оптимизмом утверждения вечности жизни Природы. Собственной жизнью поэт платит за ниспосланный ему дар, однако, возвращая свой долг природе, он вносит свою лепту в вечность и после физической смерти обретает бессмертие.

Поэзия Арсения Тарковского нелегка для чтения. Это связано с метафоричностью стиля поэта, насыщенностью стихотворений аллюзиями, соединяющими его творчество со всем контекстом мировой культуры. Среди аллюзий, перекликающихся с античностью, следует назвать мифы об Актине и Марсии, мало известные широким кругам читателей. Оба они связаны с трагическими эпизодами в судьбе самого поэта: ранением и последующей инвалидностью. В мифе о Марсии, дерзнувшем бросить вызов самому Аполлону на состязании в игре на флейте (затем с него в наказание за поражение была содрана кожа), поэт сопоставляет его и свои страдания, причем не только физические, но и нравственные, поскольку человек творческий чувствует всё обостреннее обыкновенных людей.

Исследование языка отдельного автора на современном этапе развития лингвистической науки не может обойтись без обращения к таким понятиям, как идиолект и идиостиль, которые мотивированы уже самой спецификой феномена «поэтический язык» и шире – «язык художественной литературы», имеющего свои законы функционирования и образования единиц, которые предназначены для создания эмоциональности, экспрессивности, образности как признаков художественного текста.

Состав языковых средств – это материальное воплощение установок и взглядов языковой личности на то, в какую форму следует облечь то или иное содержание. Установки зависят от целей, замысла, взглядов автора на языковую материю и проявляются в тенденциях отбора и сочетания средств, предназначенных для их воплощения. Состав использованных языковых средств в силу этого оказывается относительно определенным, допускающим учет, классификацию, описание, сравнение, сопоставление, и, безусловно, отличным от состава средств идиолекта любой другой языковой личности.

Под идиолектом [от греч. *idios* – свой, своеобразный, особый и (диа)лект] понимают совокупность формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя языка; индивидуальную разновидность языка [Ахманова 1966: 165].

В энциклопедическом словаре «Языкознание» предлагается широкое и узкое понимание термина *идиолект*. В широком смысле идиолект – «вообще реализация данного языка в устах индивида, то есть совокупность текстов, порождаемых говорящим и исследуемых лингвистом с целью изучения системы языка». В узком смысле – только специфические речевые особенности данного носителя языка [Языкознание 2001: 268].

Идиолект может приравниваться к словарю личности, состоящему из актуализированных лексиконов, под которыми понимаются «все слова, используемые носителем языка в определенное время или в определенном тексте». Такая трактовка позволяет анализировать идиолект писателя, сравнивать актуализированные лексиконы количественно, что помогает изучить и наглядно показать эволюцию идиолекта и выявить индивидуальную картину мира [Идиолект 2000: 16].

По мнению О.И. Северской, идиолектом можно назвать одно из возможных состояний системы языка, усвоенное индивидом и представленное в его творчестве, в отличие от идиостиля, который определяется как «способ построения текста» [Северская 2007: 32].

Вопросы о разграничении идиолекта / идиостиля и о принципах выявления соответствующих им составных частей сравнительно недавно стали привлекать особое внимание лингвистов, занимающихся анализом художественной речи. «Идиолект» как общелингвистический термин давно укоренился в языкознании, его значение более или менее устойчиво (см., например, [Ахманова 1966: 165]). Понятие идиостиля, напротив, неопределенно. Определения идиостиля и идиолекта как терминологических дублетов включены и в энциклопедическую кодификацию. В современной науке о языке наиболее распространенной является тенденция к разграничению данных понятий.

Традиционный взгляд на соотношение понятий «идиолект» и «идиостиль» отражен в «Литературоведческом энциклопедическом словаре»: идиолект и идиостиль соотносятся между собой как поверхностная и глубинная структуры; представленное на поверхности все множество связанных между собой языковых фактов, составляющих идиолект, является следствием глубинных процессов «лингвистического мышления» автора и его «рефлексии над языком», в совокупности образующих идиостиль [ЛЭС 1987: 114-115].

Несколько иначе толкуется понятие идиолекта в «Стилистическом энциклопедическом словаре» (автор статьи М.П. Котюрова). Идиолект представлен в нем как совокупность собственно структурно-языковых особенностей (стабильных характеристик), имеющих место в речи отдельного носителя языка, в то время как идиостиль – это совокупность именно речетекстовых характеристик отдельной языковой личности (индивидуальности писателя), тем не менее, формирующихся под воздействием всей экстралингвистической основы – как функционально-стилевой, жанрово-стилевой, так и индивидуально-стилевой [Котюрова 2003: 95].

Согласно словарным определениям, понятие «идиостиль» логически шире понятия «идиолект» и трактуется как вся совокупность языковых выразительных средств автора, в то время как «компонентами идиолекта становятся важнейшие черты идиостиля» [Очерки языка русской поэзии 1990: 30].

По мнению В.В. Леденевой, идиостиль обнаруживает себя в результате текстопорождающей и эстетической деятельности языковой личности, поэтому он прежде всего отражается в интеграции предпочтительных тем, жанров, средств и приемов, необходимых для построения текста и передачи не только информации, но и эмотивно-экспрессивных компонентов, то есть, идиостиль – это индивидуально устанавливаемая языковой личностью система отношений к разнообразным способам авторепрезентации средствами идиолекта [Леденева 2001: 40]. Анализируя специфику словотворчества А. Тарковского, мы пришли к выводу, что авторские слова можно считать одной из составляющих идиостиля поэта.

В соответствии с целью нашего исследования, мы принимаем за основу термин *идиостиль* и рассматриваем словотворчество как основную черту идиостиля А. Тарковского.

Глава II. ДЕРИВАЦИОННЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

А.А. ТАРКОВСКОГО

2.1. Лексические новообразования – имена существительные

Лексические индивидуально-авторские новообразования в поэтических текстах А. Тарковского зачастую представляют собой целый микрообраз, а не просто обычные языковые единицы. Обратимся к анализу

группы лексических новообразований, которые принадлежат к имени существительному. Одним из самых производительных способов является способ равнословного сложения. Данный способ равнословного сложения заключается в объединении двух самостоятельных узуальных слов в одно слово с написанием через дефис. Это помогает поэту создать неповторимый яркий образ:

*Едва проявляется день на востоке
Одетые в траурный чад площадей,
Напрасно вопят в мегафоны пророки
О рощах-последышах ,судьях людей.*

(«Зелёные рощи, зелёные рощи...»)

*Это не мы, это они – ассирийцы,
Жезл государственный бравшие крепко в клешни,
Глинобородые боги-народоубийцы,
В твердых одеждах цари,- это они!*

(«В музее»)

*А! этот сон! Малютка-жизнь, дыши,
Возьми мои последние гроши,
Не отпускай меня вниз головою
В пространство мировое, шаровое!*

(«Малютка-жизнь»)

Довольно часто при образовании новых слов автор берёт одни компоненты – узуальное слово, для создания новых слов, например: *листок-сирота*, *кубатура-сирота* и др.

*Может быть, это листок-сирота,
Может быть, это обрывок бинта,
Может быть, это на снежную ширь
Вышел кружить красногрудый снегирь,*

(«Красный фонарик стоит на снегу...»)

Кубатурой-сиротой А. Тарковский называет дом, где нет жильцов, и неодушевленное имя существительное «дом» становится живым, переживающим, умеющим страдать существом, ср.:

*Ну что же, спи спокойно, дом,
Спи, кубатура-сирота! Вернутся
Твои жильцы, и время в чем попало -
В больших кувшинах, в синих вёдрах, в банках
Из-под компота - принесут, и окна
Отворят, и продуют сквозняком.*

(«Дом без жильцов»)

Некоторые слова окрашены патетикой: так, руки в стихотворении А.Тарковского становятся *пятизубцами*, а тронувшийся лёд презентуется как *лёд-громовержец*:

*И ножи конькобежец
Защвырнул под кровать,
Начал лёд-громовержец
На реке баловать.*

(«Весенняя пиковая дама»)

Довольно примечательно, что немалая часть слов имеет негативный, отрицательный смысл:

*В резину чёрную обута,
Ко мне идёт убийца-ночь,
И я звоню, ищу приюта,
А ты не хочешь мне помочь...*

(«Ночной звонок»)

Каково тебе по песку

Волочить старуху-тоску?

Ни жива шипит, ни мертва.

Ах, восточные переводы,

Как болит от вас голова.

(«Переводы»)

Кто хозяин твой? Гений? Бездарность? Халтурщик? ■

Я молве-клеветнице его не предам,

Потому что из глины был создан Адам.

Ты - подобье Адама, бесплатный натурщик.

(«Манекен»)

Он говорит: подымите мне веки! - ■

Слободы метит железным перстом, ■

Ржавую землю и ольхи-калеки ■

Метит и морит великим постом.

(«Тянет железом, картофельной гнилью...»)

Зачастую соединения ■ слов непредсказуемы, ■ сравним:
*мучительницы-розы, лодочка-пристань, а кривда у поэта представлена как
матушка: ■*

То ли в песне достоинство наше, ■

То ли в братстве с землёй, то ли в смерти самой.

***Кривды-матушки** голос монаший*

Зазвучит за спиной и пройдёт стороной.

(«Я надену кольцо из железа»)

Что ему до воклюзского лавра

И персидских мучительниц-роз,

Если он под пятой бронтозавра

Ластовидной листвой оброс?

(«Кактус»)

Во многих лексических новообразованиях поэт А. Тарковский создаёт неповторимые художественные образы, которые отражают его мировосприятие. Так, жизнь в годы войны сравнивается с *плакун-травой*:

*И слава будет не слова,
А свет для всех, но только проще,
А эта жизнь — **плакун-трава**
Пред той широкошумной рощей.*

(«Близость войны»)

Некоторые слова имеют насмешливый оттенок:

*Где ветер бросает ножи
В стекло министерств и музеев,
С насмешливым свистом стрижи
Стригут **комаров-ротозеев**.*

(«Утро в Вене»)

*Горбатую царскую плоть,
Престол нищеты и терпенья,
Нещедрый **пустынник-господь**
Слепил из отходов творенья.*

(«Верблюд»)

Отрицательное значение в стихотворении « Над чёрно-сизой ямою...» имеет лексическое новообразование *душа-чердачница*.

*А ты, **душа-чердачница**,
О чём затосковала?
Тебе ли, **неудачница**,*

Твоей удачи мало?

(«Над чёрно-сизой ямою...»)

Самым распространённым явлением в поэтическом языке А. Тарковского являются имена существительные, которые созданы суффиксальным способом словообразования. Для их образования автор использует различные суффиксы: *пилильщик*, *печальница*, *гербовник* и др.:

*И не покину пиришества живых-
Прямой **гербовник** их семейной чести,
Прямой словарь их связей корневых.*

(«Рукопись»)

По образцу узуального слова *чистилище* созданы авторские слова *мучилище* и *костедробилище*.

*Где ты, писательница малосольная,
Молоховец, холуйка малохольная,
Блаженство десятипудовых туш
Владетелей десяти тысяч душ?
В каком раю? чистилище? **мучилище?**
Костедробилище?*

(«Елена Молоховец»)

Костедробилище образовано сложносуффиксальным способом, оно выражает буквально значение места, где дробят кости.

Сложносуффиксальным способом словообразования создано небольшое количество слов: *звездолубец*, *камневерть* и др.:

*Держать бы им сердце земли,
Да все мы, видать, **звездолубцы**, -
И в небо мои **пятизубцы**
Двумя якорями вросли.*

(«Руки»)

*Я по каменной книге учу вневременный язык,
Меж двумя жерновами плыву, как зерно в **камневерти**...
И уже я по горло в двухмерную плоскость проник
Мне хребет размолото на мельнице жизни и смерти.*

(«Я по каменной книге учу вневременный язык...»)

Единичнылексические индивидуально-авторские новообразования, которые образованы префиксальным способом словообразования:

*Есть память – **охранительница** дней
И память – **предводительница** века.*

В одном из примеров авторского слова приставка *не-* придает слову противоположную коннотацию и новообразование *недоля* имеет значение горькой участи, несчастной судьбы.

*Скупишься, мать, дала бы хлеба, что ли,
Полны ядрёным снегом закрома,
Бери, да ешь. Тяжка моя сума:
Пол пуда соли и ломоть **недоли**.*

(«Беженец»)

Нами зафиксированы примеры лексических ИАН с препозитивным формантом *полу-*(*пол-*):

*А дождь бежал по глиняному склону,
Гонимый стрелами, ветвисторогий,
Уже во всём подобный Актеону.
У ног моих он пал на **полдороге**.*

(«Дождь»)

Формант *пол-* (*полу-*) является продуктивным в русском языке. Данный аффикс обычно обозначает неполное, ослабленное проявление признака.

*Загородил полнеба гений,
Не по тебе его ступени,
Но даже под его стопой
Ты должен стать самим собой.*

(«Стань самим собой»)

*Ночная тень, холодная, голодная,
Полубайстрючка, полублагородная...*

(«Елена Молоховец»)

2.2. Лексические новообразования – имена прилагательные

Довольно немалая часть лексических новообразований (около 37%) представлена именами прилагательными. Они, на наш взгляд, очень интересны и в структурном, и в семантическом планах. Собранный нами языковой материал свидетельствует о том, что самым эффективным является сложносuffixальный способ словообразования, например: *глинобородые*, *ветвисторогий*, *красногривый*, *вислоусый* и др.

*Это не мы, это они – ассирийцы,
Жезл государственный бравшие крепко в клешни,
Глинобородые боги-народоубийцы,
В твёрдых одеждах цари, - это они!*

(«В музее»)

А дождь бежал по глиняному склону,

*Гонимый стрелами, ветвисторогий,
Уже во всем подобный Актеону.
У ног моих он пал на полдороге.*

(«Дождь»)

*Не боится Божье диво
Ни осады, ни пальбы,
Ни безумной, красногривой
Человеческой судьбы.*

(«Чистопольская тетрадь»)

*Может быть, это на снежную ширь
Вышел кружить красногрудый снегирь,
Может быть, это морочит меня
Дымный закат окаянного дня.*

(«Красный фонарик стоит на снегу...»)

Лексическое новообразование *вислоусый*, которое создано по аналогии с узуальным словом «вислоухий», на наш взгляд, носит несколько иронический оттенок, ср.:

*А тощий **вислоусый** идиот
Коротенького за руку ведёт.*

(«Я, как мальчишка, убежал в кино...»)

Довольно большое количество сложных лексических новообразований создано при помощи числительных, например: *десятипудовый, пятипалый, сторукий* и др.

*И показав, на что они способны
Без помощи своих железных рук*

*Вскочили на буфет **пятиутробный**
И Афродиту подняли на крюк.*

(«Новоселье»)

*Над хрупкой чешуей светло-студёных вод
Сторукий бог ручьёв свои рога склоняет,
И только стрекоза, как первый самолёт,
О новых временах напоминает.*

(«Когда купальщица с тяжёлою косой...»)

*Всё, что сбыться могло,
Мне, как лист **пятипалый**,
Прямо в руки легло.
Только этого мало.*

(«Вот и лето прошло...»)

*Где ты, писательница малосольная,
Молоховец, холуйка малохольная,
Блаженство **десятипудовых** туш
Владетелей десяти тысяч душ?*

(«Елена Молоховец»)

Индивидуально-авторские лексические новообразования помогают Арсению Тарковскому строить яркие, удивительные образы, например: *светло-студёные* (воды), *лимонно-серый* (конус высоты), *дымно-голубое* (небо) и др.:

*Над хрупкой чешуей **светло-студёных** вод
Сторукий бог ручьёв свои рога склоняет,
И только стрекоза, как первый самолёт,
О новых временах напоминает.*

(«Когда купальщица с тяжёлою косою...»)

*Прорвав насквозь лимонно-серый
Опасный конус высоты,
На лунных крышах, как химеры,
Вонят гундосые коты.*

(«Две лунные сказки»)

*Здесь теперь другое
Небо за окном -
Дымно-голубое,
С белым голубком.*

(«Позднее наследство»)

Подобного рода слова позволяют поэту А. Тарковскому создать неповторимый цветовой образ:

*Он был по край омыт **молочно-белым**
Стеклом тумана. По седым ветвям
Стекали слёзы чистые, какими
Одни деревья плачут накануне
Всеобесцвечивающей зимы.*

(«В последний месяц осени»)

В некоторых случаях прослеживается повтор одних и тех же компонентов в составе равнословных сложений,

*И все, что бодрствует, и все, что спит и снится,
Слетается на пир **зелёно-голубой**.
А я клянусь тебе, что княжил над судьбой,
И хоть поэтому ты не могла не сбыться.*

(«Надпись на книге»)

*Привет тебе, высокий ствол и ветви
Упругие, с листвой зелёно-ржавой,
Таинственное дерево, откуда
Ко мне слетает птица первой ноты.*

(Дерево Жанны»)

*Этот огненно-красный день,
День кровавый, и сыт и пьян, -
Продолжается грозный той,
Не кончается тяжкий бой.*

(«Чудо со щеглом»)

В стихотворении Арсения Тарковского «Пруд» мы зафиксировали словосочетание *неподвижно-смутная ива*. Поэт, на наш взгляд, рисует особую, авторскую картину, представляя плакучее дерево на фоне неподвижного пруда, при этом ива видится автору как смутная, *неподвижно-смутная*:

*Странный день пришёл, когда
С неподвижно-смутной ивой
Неподвижная вода
Спор заводит молчаливый.*

(«Пруд»).

Достаточно распространённым явлением в поэтическом тексте являются лексические новообразования, которые созданы суффиксальным способом словообразования, например: *ящеричий, гниловатый* и др.:

*Но картошки гниловатой
Нам соседка принесла*

И сказала:

- Как богато

Жили нищие когда-то.

(«Жили- были»)

В этом примере отмечено лексическое ИАН прилагательное *гниловатая*, которое создано с помощью производительного суффикса *-оват-*, который выражает значение неполноты признака.

Для многих слов можно найти узувальные эквиваленты с совпадающим значением. Ср.: *сахариный* – сахарный, *рабий* – рабский, *шатучий* – шаткий. Совершенно очевидно, что поэт создает свое слово, чтобы привлечь внимание читателя, чтобы создать необычный образ:

Розы сахариной породы,

Соловьина пахлава,

Ах, восточные переводы,

Как болит от вас голова.

(«Переводчик»)

И на цыганской масляной реке

Шатучий мост, и женщину в платке,

Спадавшем с плеч над медленной водою,

И эти руки как перед бедою.

(«Ветер»)

Кровь, как булыжник, торчит из щербатого горла,

И невозможно пресытиться жизнью, когда

В дыхало льву пернатые вогнаны сверла,

В рабьих ноздрях - жёсткий уксус царева суда.

(«В музее»)

Такого же рода слова образуются при помощи различных суффиксов, причем данные суффиксы, которые использует А. Тарковский, относятся к разряду продуктивных, производительных.

Проделанный нами анализ языкового материала показал, что 9,4% от общего числа адъективов, образованы префиксально-суффиксальным способом словообразования, например: *безбольный, бездомовный* и др:

У вокзалов разбитых

Брать крутой кипяток –

Бездомовный напиток –

В жестяной котелок.

(«Хорошо мне в теплушке...»)

Безбровая, безбольная,

Еще в родильной глине,

Встаёт прямоугольная

Бетонная богиня.

(«Над чёрно-сизой ямою...»)

В анализируемых поэтических текстах поэта нами зафиксированы имена прилагательные, образованные способом сращения. Наши примеры позволяют заключить, что этот способ реализуется только при словообразовании имен прилагательных. Сращения отличаются от сложений тем, что они во всех своих формах точно такие же по своему морфемному составу, как и словосочетания, от которых они образованы. Ср.: *долгоиграющий* – играющий долго, *быстрорастворимый* – растворимый быстро.

Таким способом образовано более 6% имен прилагательных: *яркоблещущий, яркострекочущий, всеобесцвечивающий, тяжкоплещущий*:

Оглушил Отбаскана плеск

Яркоблещущих крыл,

*Ослепил нестерпимый блеск
Тяжкоплещущих крыл...*

(« Чудо со щеглом»)

*Он был по край омыт молочно-белым
Стеклом тумана. По седым ветвям
Стекали слёзы чистые, какими
Одни деревья плачут накануне
Всеобесцвечивающей зимы.*

(«В последний месяц осени»)

*Знал, что в каждой фасетке огромного ока,
В каждой радуге яркострекочущих крыл
Обитает горящее слово пророка,
И Адамову тайну я чудом открыл.*

(«Я учился траве, раскрывая тетрадь...»)

2.3. Лексические новообразования - глаголы

Около 9% лексических новообразований (от общего количества ИАН) составляют глаголы и глагольные формы. Большая часть из них образована префиксальным способом словообразования:

*Не смелостью пред смертью, - ты ■
Все замыслы довоплотила
В свои тетради до черты,
Где кончились твои чернила... ■*

(«Через двадцать два года»)

*Мне бы только теперь до конца не раскрыться,
Не раздать бы всего, что напела мне птица,
Белый день наболтал, наморгала звезда,
Намигала вода, **накислила** кислица...*

(«Мне бы только теперь до конца не раскрыться...»)

Интересным, на наш взгляд, представляется ИАН-глагол *повыдует*, который образован от глагола *выдуть* с приставкой *по-* :

Вытрет губы, наденет шинель

И, не глядя, жену поцелует.

А на улице ветер лютует,

*Он из сердца **повыдует** хмель.*

(«Проводы»)

Поэт Арсений Тарковский в стихотворении «Посвящение», рисуя городское утро, создает удивительные, яркие образы, живописные картины:

И в час, когда твой город исполинский

Весь в зелени восходит на заре...

Описывая «оживающее» небо, поэт использует лексическое новообразование *просинело*, где приставка *про-* придает глаголу значение действия, которое распространяется во всей своей полноте на весь предмет:

*И небо **просинело**, оживая,*

И стала опускаться высота,

И под колёса первого трамвая

Легли торцы высокого моста.

(«Посвящение»)

Для того, чтобы образовать глагол поэт берет продуктивные префиксы, которые придают словам дополнительные оттенки значения, а иногда и вовсе меняют смысл слова.

Для образования новых глаголов поэт нередко прибегает к суффиксальному способу словообразования. Суффиксальным способом словообразования образовано около 22% глаголов, например глагол *братствовать*, то есть проявлять братские чувства.

*Я видел тебя и с тобой говорил
Вздыхались копыта коня надо мною
Ты **братствовал** с тьмой и не бросил удил
Над нищенским домом за ёмной Невой.*

(«Я видел тебя и с тобой говорил...»)

Некоторые новообразования глаголы образованы префиксально-суффиксальным способом словообразования, например, *опрозрачивать*, т.е. делать прозрачным.

*Кому ты с институтскими ужимками
Советуешь стерляжьими отжимками
Парадный **опрозрачивать** бульон.*

(«Елена Молоховец»)

Довольно интересно, на наш взгляд, является созданное автором лексическое новообразование причастие:

*Жизнь – чудо из чудес, и на колени чуду
Один, как сирота, я сам себя кладу,
Один - среди зеркал – в ограде отражений
Морей и городов, **лучащихся** в чаду.*

(«И это снилось мне, и это снится мне...»)

В данном контексте лексическое новообразование *лучащийся* теряет своё позитивное смысловое значение, это связано с сочетанием со словом «чад». Ср. с нейтральным «светиться».

Значение ИАН – глаголов зачастую очень трудно растолковать однозначно. Только, прочитав несколько раз, вдумываясь в каждую строку, можно предположить, какие смысловые оттенки автор хотел выразить тем или иным словом.

2.4. Лексические новообразования – наречия

В системе словообразования наречий самый развитый суффиксальный и префиксально-суффиксальный способы словообразования. Лексические новообразования-наречия в нашем языковом материале встречаются крайне редко. Наиболее производительные в поэзии А. Тарковского наречия, которые образованы префиксально-суффиксальным способом, где первый компонент *пол-*(усеченная основа *половина*) + префикс *в-* и суффикс *-а, -и(ы)* – обозначают признак, осуществляющий вполовину размера или возможностей - в соответствии со значением существительного, являющегося опорным. Ср.: *вполсвета, вполбарабана, вполфлейты*:

*И еще я скажу, собеседник мой прав,
В четверть шума я слышал, **вполсвета** я видел.
Но зато не унизил ни близких, ни трав
Равнодушием отчей земли не обидел.*

(«Я учился траве, раскрывая тетрадь...»)

*Труба бубнит, бьют в барабан, и флейта
Свистит, но слышно, как из-под подушки:
Вполбарабана, вполтрубы, вполфлейты
И в четверть сна, в одну восьмую жизни.*

(«Посредине мира»)

Также нами был зафиксирован единичный пример ИАН-наречия, которое образовано с помощью префикса *по-* и суффикса *-ому*, ср.: *по-блаженному*.

*У матери пахло спиртовкой, фиалкою,
Лиловой накидкой в шкафу, на распялке;
Все детство мое, **по-блаженному** жалкое,*

В горячей спиртовке и пармской фиалке.

(«Тогда еще не воевали с Германией...»)

Таким образом, в анализируемых нами лексичеких индивидуально-авторских новообразований в составе разных частей речи мы можем выделить следующие особенности. В количественном отношении преобладают имена существительные (около 50% от общего количества слов), затем идут имена прилагательные (37%), гораздо меньше глаголов (9%) и наречий (4%). Каждое из созданных поэтом слов, является выразительным средством и позволяет достичь впечатляющей образности.

2.5. Изучение поэтических текстов А.А. Тарковского на факультативных занятиях по русской словесности

Поэтические тексты А.А. Тарковского не являются предметом специального изучения на уроках русского языка или литературы. Но на факультативных занятиях по русской словесности можно провести лингвистический анализ текста. Например:

Лингвистический анализ текста

Словарь

Я ветвь меньшая от ствола России,

*Я плоть ее, и до листвы моей Доходят жилы влажные, стальные,
Льняные, кровяные, костяные, Прямые продолжения корней.*

Есть высоты властительная тяга,

*И потому бессмертен я, пока Течет по жилам - боль моя и благо - Ключей
подземных ледяная влага, Все эр и эль святого языка.*

Я призван к жизни кровью всех рождений

*И всех смертей, я жил во времена, Когда народа безымянный гений Немую
плоть предметов и явлений Одушевлял, даруя имена.*

Его словарь открыт во всю страницу,

*От облаков до глубины земной. - Разумной речи научить синицу И лист
единый заронить в криницу, Зелёный, рдяный, ржавый, золотой...*

Слово учителя.

Уроки, связанные с анализом художественного текста, можно назвать уроками читательского мастерства. Разгадывая тайны слова, текста, мы прокладываем путь к постижению тайны авторского замысла, а также к истокам нашей культуры и духовности. Сегодня мы обратимся к стихотворению русского поэта XX века Арсения Тарковского (1907-1989) «Словарь».

Выразительное чтение стихотворения.

Беседа.

- О чём это стихотворение? (О родном языке, о любви к русскому языку, о роли языка в жизни народа, человека, о словаре)

- Что в первую очередь помогло вам определить тему этого стихотворения? (Название, ключевые слова)

- Слово «словарь» многозначное. Определим его лексические значения и в каком из них употреблено это слово в стихотворении Тарковского.

Словарь- 1) собрание слов (обычно в алфавитном порядке); 2) совокупность слов какого-нибудь языка, а также слов, употреблённых в каком-нибудь одном произведении, в произведениях какого-нибудь писателя или вообще употребляемых кем-либо.) В данном стихотворении слово «словарь» употреблено в обоих значениях.

- Что предполагает лингвистический анализ стихотворения? Для чего необходимо делать такой анализ стихотворения?

Лингвистический анализ текста необходим для более глубокого и точного понимания смысла стихотворения и его художественных особенностей. Лингвистический анализ предполагает анализ различных уровней языка текста:

- Звуковой
- Лексический
- Морфологический
- Синтаксический
- Стилистический

- Какой из этих уровней в первую очередь необходимо проанализировать? Почему?

Лексический, так как само название стихотворения «Словарь» предполагает анализ лексики, словаря текста.

- Какие словари нам понадобятся?

Толковый словарь, словари синонимов, антонимов, устаревших слов.

Работу продолжим в группах (получают задания): *1 группа*

Попробует составить словарь из наиболее многозначных слов стихотворения.

- **Ключ** - вытекающий из земли источник, источник языка – народ: *И*

потому бессмертен я, пока Течет по жилам - боль моя и благо - Ключей

подземных ледяная влага, Все эр и эль святого языка. Гений- 1. Высшая творческая способность. 2. Человек, обладающий такой способностью. 3. В древнеримской мифологии – покровитель человека, дух-покровитель человека.

Все три значения этого слова заключены в строках А. Тарковского:

*Когда народа безымянный гений Немую плоть предметов и явлений
Одушевлял, даруя имена.*

Только гениальный народ мог создать наш великий язык, и в то же время сам язык – гений, который формирует нацию.

Криница - (общеславян.) колодец, родник, истоки, глубины: *И лист единый заронить в криницу*

Поэт надеется, что и ему удастся сделать свой вклад в словарь родного языка, бессмертный родник народной речи.

В тексте достаточно много стилистически окрашенных слов: книжные (*гений, властительная, благо, рдяный*), народно-разговорное – **криница**, *меньшая* – просторечное, *плоть* –устаревшее. Все это характеризует богатство словаря национального языка, разнообразие его стилистики. 2 группа

Проанализирует антонимы

- С помощью антонимов и других средств противопоставления передается мысль о том, что словарь, «даруя имена», не знает ограничений во времени и пространстве, объединяя даже несовместимое: *влажные - стальные, боль и благо, жизнь-смерть, немую плоть одушевлял, от облаков до глубины земной, ржавый - золотой*. 3 группа

Составит словарь эпитетов.

-Эпитетов в стихотворении много. Они подчеркивают разнообразие, красоту языка: *ветвь меньшая, жилы влажные, стальные, льняные, кровяные, костяные, прямые продолжения корней, высоты властительная тяга, бессмертен я, ключей подземных ледяная влага, святого языка, народа безымянный гений, немую плоть предметов и явлений, разумной речи, лист единый, зелёный, рдяный, ржавый, золотой...*

Обратим внимание на то, что стихотворение заканчивается эпитетом «золотой». В нем – восхищение поэта родным языком, его богатством, совершенством, красотой, благородством. В «Словаре символов» Н.Жюльен пишет: **«Отцы Церкви превратили золото в символ Иисуса Христа, света, познания и откровения...»** Слово – золото, оно откровение, открытие мира и средство его познания.

4 группа

Найдет другие тропы в этом стихотворении.

-Самыми яркими в стихотворении являются образы дерева, словаря, лирического героя. Они построены с помощью развернутой метафоры, пронизывающей все стихотворение: Я (лирический герой) ощущает себя

ветвью, листом дерева-ствола России. Его жилы-корни питаются влагой святого языка, словарём народа, который поэт называет безымянным гением. Словарь-язык народа пронизывает весь мир – от облаков до глубины земной. Лирический герой, дерево, словарь, культура народа предстают в нерасторжимом единстве. Развернутая метафора (Словарь – дерево.) строится на архетипическом образе: дерево – архетип (в греч. - первообраз) – в культуре, мифологии понятие, означающее общие первичные образы, мотивы, воспроизводимые подсознательно в конкретных образах, сюжетах. Дерево, древо мировое символизирует космос, устройство мира: корни-подземный мир, ствол - земной, крона - небеса.

Символические образы в стихотворении также - ключ, птица – синица. 5 группа

Поработает над звуковой стороной стихотворения.

- Мы знакомы с такими приемами звукописи, как аллитерация, ассонанс. Вот еще один приём.

Анаграммирование – вид звукописи, прием подбора слов текста в зависимости от состава ключевого слова. Например: мука-кума, смеха-схема. Псевдоним Харитон Макентин – Антиох Кантемир. На древних языках составлялись стихотворения, в которых отдельные звуки стихотворения повторяются в других словах (это явление открыл французский лингвист Ф. де Соссюр)

Тарковский сам подсказал, какие звуки в его стихотворении ключевые:

«все эр и эль святого языка». Эти звуки-буквы есть в слове «словарь» и еще в 43 словах стихотворения: *ствола России, плоть лисвы, жилы, стальные, льняные, бессмертен, кровь* и т.д. Всего стихотворение состоит из 89 слов самостоятельных частей речи и 15 служебных. То есть половина слов стихотворения содержит эти звуки-буквы. Анаграмма, по определению В.А. Лукина, – «это способ формально-семантической организации стиха, при

котором повторы звуков и слогов воспроизводят центральное в смысловом отношении слово данного текста». Действительно, в стихотворении «Словарь» ключевое слово оказывается рассредоточенным по всему пространству текста в виде отдельных звуков и слогов. В результате отдельно повторённые звуки, составляющие слово Словарь, принимая на себя семантическую нагрузку ключевого слова, обогащают его семантикой значения других слов, в которых наблюдается звуковой повтор. В этом и заключается эффект анаграммирования. Эти два звука звонкие сонорные согласные, мягкие и твёрдые, также добавляют краски в характер русского языка. Арсений Тарковский продолжает традиции поэтов-символистов, которые звук речи видели в цвете.

Подведение итогов

Какие же выводы мы можем сделать на основании исследования некоторых уровней языка текста стихотворения?

-У Тарковского причастность к миру культуры означает власть над временем и бессмертие, несмотря на смертность. Дерево России здесь «прорастает» сквозь тело поэта, образуя «властительную тягу» языка. Это почти физиологическая связь («жилы влажные, стальные, льняные, кровяные, костяные...»), и она наделяет поэта бессмертием, ограниченным, правда, «сроком годности» его бренного тела («бессмертен я пока...»). Она включает его в бесконечную цепь поколений,

Каждое художественное произведение, тем более лирическое отражает личность самого автора. Каким вы представляете автора этого произведения?

-Поэт любит свой народ, родной язык, прекрасно знает его, восхищается им. Он верит в бессмертие языка и народа. Тарковский – поэт-философ, поэт-художник.

Какими новыми словами вы обогатили сегодня свой личный словарь?

- Мы познакомились с такими словами: криница, анаграмма, рдяный, архетип. ***Заключительное слово учителя***

Жизнь не только отдельного человека, но и народа, и человечества в целом корнями уходит в язык – так считает поэт. В стихотворении "Словарь" эта мысль, пожалуй, выражена с наибольшей силой.

И в других стихотворениях А.Тарковского «Слово», "Имена", "Когда вступают в спор природа и словарь", "Явь и речь", "Рифма" и т.д. мы видим запечатлённое в слове внимание поэта к тайной сущности слова и языка. Почитайте эти стихи. Они помогут вам приблизиться к тайне Слова, Языка своего народа, к пониманию Жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Словарный состав языка постоянно развивается, обогащается новыми словами. В современном русском языке существует множество толкований понятия «неологизм». За основу в данной работе принято определение Н. З. Котеловой, где новые слова понимаются как слова, которые были образованы впервые, или впервые заимствованы из других языков, или слова, известные ранее, но употреблявшиеся за пределами литературного языка, а также производные слова, которые потенциально существовали в языке и были образованы от давно существующих слов по известным моделям лишь в последние годы.

Неологизмы можно разделить на две категории: неологизмы и окказионализмы. В свою очередь окказионализмы на словообразовательном уровне подразделяются на потенциальные и окказиональные слова. Окказионализмы созданы и живут лишь в определенном контексте и вне этого контекста не воспроизводятся. Выделяют следующие признаки окказионализмов: принадлежность к речи, творимость, словообразовательная производность, ненормативность, функциональная одноразовость, экспрессивность, номинативная факультативность, синхронно-диахронная диффузность, индивидуальная принадлежность.

Новообразования способны ярко, оригинально передавать самые тонкие оттенки смысла, чувств, переживаний, помогают создать необычные, причудливые образы. Это обуславливает то, что окказионализмы являются характерной чертой современной поэтической речи.

Индивидуально-авторские слова, созданные в поэтическом тексте, не производятся изолированно и функционируют только в единстве с другими компонентами, составляющими организованную систему поэтики стиха. Особую роль при этом играют такие компоненты, как ритмическая и интонационная организация, выбор звуковых единиц, отбор лексических средств, поэтический синтаксис.

Созданное поэтом новообразование – это, как правило, авторское отступление от общепринятых языковых норм, отражающее индивидуальное видение и восприятие окружающего мира.

Для того чтобы представить специфику новообразований в поэтическом тексте, мы обратились к поэзии Арсения Тарковского. На творчество А. Тарковского наложили свой отпечаток и царская Россия, и советское государство. Он был свидетелем смены множества литературных течений, но в пору формирования Тарковского-поэта всевозможные поэтические школы уже выдыхались. Эстетическую и нравственную опору поэт нашёл в русской классике.

А. Тарковский долгое время занимался переводами, и сквозь оригинальные стихи явственно проступает опыт переводчика и теоретика перевода, отчетливо осознается, подтвержденной длительной практикой осмысление творческого процесса, многочисленных чужих стилистических систем.

Таким образом, характер творчества А. Тарковского определяется тремя основными аспектами: во-первых, произведения поэта насыщены традициями русской и мировой классики; во-вторых, в них ощущается теснейшая связь с современной эпохой; в-третьих, все творчество поэта пронизано вопросами бытия, соотношения времени и вечности, вечности и мира.

Язык поэта отличают: детальность, гиперболы, аллегории, метафоры.

Анализ индивидуально-авторских новообразований, извлеченный из ряда поэтических сборников А. Тарковского позволяет говорить о том, что эти слова образуются в пределах четырех важнейших частей речи: имени существительного, имени прилагательного, глагола и наречия. Большинство составляют имена существительные. Наиболее продуктивными являются такие способы словообразования как равнословное сложение,

суффиксальный способ. Новообразования в поэтических текстах А. Тарковского – не просто языковые единицы, это, зачастую, целый микрообраз.

Довольно большая часть индивидуально-авторских новообразований принадлежит имени прилагательному. Большинство из них создано сложно-суффиксальным способом. Составной частью значительного количества сложных новообразований являются числительные.

Глаголы и глагольные формы составляют 9% новых слов, половина которых образована префиксальным способом. При образовании глаголов автор использует продуктивные аффиксы. Индивидуально-авторские новообразования, относящиеся к наречиям, единичны.

Анализируя исследуемый материал, мы определили, что в среднем на шесть страниц приходится одно индивидуально-авторское слово. Из этого следует, что в ряду с другими выразительными средствами поэтического языка новообразования – немногочисленны. Это свидетельствует о том, что поэт не злоупотребляет использованием словоновшеств, но, при необходимости может естественно ввести новое слово в тексты стихотворений, придав ему, тем самым, своеобразие и выразительность.

Анализ нашего материала позволяет сделать вывод о том, что основными художественными функциями ИАН в поэтических текстах А. Тарковского являются:

- усиление выразительности словесных образов и их эмоционального воздействия на читателя;
- участие в выражении идейного содержания и эмоционального настроения стихотворения, а также авторских оценок, взглядов и чувств;
- расширение семантической структуры словесного образа за счет ассоциативных связей;
- создание индивидуально-авторских поэтических образов.

Словотворчество дает возможность поэту реализовать задуманные им смысловые оттенки, помогает уйти от словесных штампов, а это тем более значимо, учитывая, что все творчество А. Тарковского пронизано вопросами бытия, метафизическими, философскими темами. Соотношение времени и вечности, личности и мира стало главной темой его философских и поэтических раздумий. Однако, несмотря на то, что поэтические тексты А. Тарковского проникнуты вечными вопросами, исследователи отмечают интимность его творчества, а индивидуально-авторские образования подчеркивают исповедальный характер поэзии Арсения Александровича Тарковского, определяют своеобразие авторской картины мира.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакина М.А. Новообразования в современной поэзии // Русская речь.– 1975- №2 - с.8-15.
2. Бакина М.А. Словотворчество // Языковые процессы современной русской литературы. Поэзия. – М.: Наука, 1977. – с. 78-127.
3. Брагина А.А. Неологизмы в русском языке. – М.: Наука, 1973. – 224 с.
4. Будагов Р.А. Язык – реальность – язык. – М.: Наука, 1983. – с.254.
5. Бройтман С. «... Мир, меняющий обличье» // Вопросы литературы. – 2001. - №4. – С. 317 – 325.
6. Бурмистрович Ю.А. К проблеме фразеологических неологизмов// Материалы по русско- славянскому языкознанию. – Воронеж, 1972. – 203 с.
7. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М.: Просвещение, 1959.
8. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – 371с.
9. Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования. – М.: Наука, 1984
- 10.Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. – М.: Наука, 1959. -451 с.
11. Винокур Г.О. О языке художественной литературы. – М.: Высшая школа, 1001. – 248 с.
- 12.Винокур Г.О. Маяковский – новатор языка. – М.: Советский писатель, 1943. – 136 с.
13. Волков С.С., Селько Е.В. Неологизмы и внутренние стимулы языкового развития. Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука ЛО, 1983.- с. 101-120.
- 14.Габинская О.А. Типология причин словотворчества. – Воронеж: Изд-во: Воронежского университета, 1981. -152 с.

15. Гак В.Г. Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, 1983. – с.15-29.
16. Гаспаров М.Л. Лингвистика языкового существования. – М.: Высшая школа. -1996. – с.345.
17. Гаспаров М.Л. Избранные статьи. – М.: Новое литературное обозрение.- 1995. –с.334.
18. Головин Б.Н. Введение в языкознание. – М., 1977. – 311с.
19. Горшков А.И. Неологизм // Русский язык: Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1979. –с.159.
20. Григорьев В.П. Поэтика слова: на материале русской советской поэзии. – М.: Высшая школа, 1979. – с.346.
21. Гулова И.А. «Гармония стиха божественные тайны...» // РЯШ.- 2002. - №3. – С.66-72.
22. Ермакова О.Г. Лексическое значение производных слов в русском языке. –М.: Знание, 1984. – 151с.
23. Журавлев А.П.. Звук и смысл. Кн. для внеклассного чтения ст.кл.- М.,1991.
24. Жюльен Надя. Словарь символов.- Пер. с фр.- Челябинск, 1999.
25. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца 20 столетия. – М.: Наука, 1996. – 364 с.
26. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: Высшая школа, 1992. – 220 с.
27. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – М.: Просвещение, 1973. -304 с.
28. Караулов Ю.Н. о состоянии русского языка современности. – М.: Наука, 1991. -57 с.
29. Ковальджи К. «Загореться посмертно, как слово» // Тарковский А,А, Собр. Соч.: В 3 т. – М., 1991. – С. 5-24.
30. Кодухов В.И. Введение в языкознание. – М., 1979. – 352 с.
31. Котелова Н.З. Новые слова и словари новых слов. – М., 1971.

32. Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, 1978.
33. Клублановский Ю. Арсений Тарковский: путь и мир // Тарковский А.А. Стихотворения и поэмы. – М., 1998. – С. 4-12.
34. Лопатин В.В., Улуханов И.О. О старом и новом слове // Наша речь. – М.: Знание, 1956. – 112с.
35. Лопатин В.В. Рождение слова: неологизмы и окказиональные образования. – М., 1973. – 152 с.
36. Лыков А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). – М., 1976. – 119 с.
37. Лыков А.Г. Современная русская лексикология: (русское окказиональное слово). – М.: Высшая школа, 1976.
38. Лыков А.Г. Можно ли окказиональное слово называть неологизмом? // РЯШ. 1972. -№2. –с. 85-89.
39. Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. – Ростов Н/Д, 1986.- 156 с.
40. Нефляшева И.А. новообразования в газетно-публицистическом стиле. Автореферат дисс. ...канд. фил. н. – Майкоп, 1998.
41. Никитина Л.К. Окказиональные слова и способы их образования. – Самарканд, 1972. – 193 с.
42. Оганесян А.Г. Окказиональные слова в поэзии С. Кирсанова. Автореферат дисс. ... канд. фил. н. – М., 1989.
43. Плотникова Л.И. Динамический аспект исследования не узуальных образований // Лексическая и грамматическая семантика / Материалы республиканской научной конференции. – Белгород, 1998. –с. 127-130.
44. Плотникова Л.И. Новое слово: порождение, функционирование, узуализация. –Белгород: БелГУ, 2000.
45. Плотникова Л.И. Современная культура и новые слова в языке // Социально-исторические и духовные основы российской культуры /

- Материалы Российской международной научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава молодых ученых. – Белгород, 1998. –с.157.
- 46.Плотникова Л.И. Словотворчество как феномен языковой личности. – Белгород, 2003.- 332с.
- 47.Плотникова Л.И. Процесс порождения нового слова в условиях коммуникации // Язык. Система. Личность / Материалы Международной научной конференции. – Екатеринбург, 1998. –с. 124-128.
- 48.Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: искусство, 1976.
- 49.Ратгауз Г. Неизгладимая печать: о поэзии Арсения Тарковского //
- 50.Литературное обозрение. – 1990.- №7. – С. 85-86.
- 51.Ревзина О.Г. Поэтика окказионального слова // Язык как творчество. – М.: Феникс, 1996. -334 с.
- 52.Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – М.: Дрофа, 1998.
- 53.Смирницкий А.И. Объективность существования языка: материалы к курсам языкознания – М.: Высшая школа, 1954.
- 54.Сахарный Л.В. К многоаспектности словообразования как науки. – Пермь, 1972. – 225 с.
55. Супрун А. Е. Лекции по теории речевой деятельности. – Минск, 1998.
- 56.Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. –М.: Просвещение, 1959.
- 57.Тимофеева В.в. язык поэта и время: Поэтический язык В.Маяковского.- М.: Высшая школа, 1962. – 244 с.
- 58.Торопцев И.С. Словопроизводственная модель. – Воронеж: ВГУ, 1985.
59. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
- 60.Улуханов И.С. смысл и значение в словообразовании // РЯШ. -1992. - №2. – с. 21-23.

61. Фельдман Н.И. окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. – 1957. - №4. – С. 64-73.
62. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. – М., 1968. – 310 с.
63. Чупринин С. Благословенный свет // Тарковский А.А. Избранное. – М., 1990.

Словари

1. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка.- М., 1997.
3. Словарь современного русского языка. В 4 т. – М., 1981.
4. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. –М.: Русский язык, 1985. т.1 – 855 с., т.2 – 887с.
5. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: 1939.
6. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2 изд. – М.: Большая Русская энциклопедия, 1998.
7. Энциклопедия русского языка. – М., 1997.

Источники

1. Тарковский А.А. Собр. Соч.: В 3 т. – М., 1991.
2. Тарковский А.А. Стихотворения и поэмы. – М.: Профиздат, 1998. –384 с.